

М. Г. Ваняшова

«Вдохновение нужно в поэзии, как и в геометрии...»

Статья является продолжением публикаций из авторского цикла «Загадки пушкинских парадоксов о природе и назначении искусства». Первая статья «Поэзия должна быть... глуповата» опубликована в журнале «Ярославский педагогический вестник» в 2013 г. Вторая статья посвящена взаимосвязям Пушкина и неевклидовой геометрии Лобачевского. Согласно гипотезе автора, Пушкин проверял вдохновение не алгеброй, а неевклидовой геометрией. Открытия Лобачевского утвердили Пушкина в его собственных новых художественных опытах. Пушкинская поэзия и проза с 1830-х гг. строится на основаниях неевклидовой геометрии. Таковы «Бесы», в «Повестях Белкина» – «Гробовщик», «Метель», «Выстрел», «Станционный смотритель», таково пространство «Пиковой дамы». Бездна неевклидова пространства в «Маленьких трагедиях». Вместо движения по линейной траектории Пушкин избирает для своих героев свободную и неподконтрольную рациональному сознанию сферу движения, герои переходят границы, невозможные для других, их движение не сводимо к локальным характеристикам реального бытового ландшафта, а связано с воплощением и реализацией внутренних возможностей и потенций личности. В пушкинской гармонии равно важны и «постоянство геометра», и «хищный глазомер простого столяра», и «живейшее принятие впечатлений». Преобразование действительности в высший симфонизм – вот поэтический принцип Пушкина.

Ключевые слова: Пушкин, Лобачевский, неевклидова геометрия, вдохновение, гармония, универсализм творческого труда, динамические трансформации пространства.

M. G. Vanyashova

«Inspiration is Necessary in Poetry, as well as in Geometry...»

The article is continuation of publications from the author's cycle «Riddles of Pushkin Paradoxes about the Nature and Purpose of Art». The first article «The Poetry Has to... Be Silly» is published in the YSPU Bulletin in 2013. The second article is devoted to interrelations of Pushkin and non-Euclidean Geometry of Lobachevsky. According to the author's hypothesis, Pushkin was inspired not with algebra, but non-Euclidean Geometry. Lobachevsky's opening approved Pushkin in his own new art experiments. Pushkin's poetry and prose from 1830-s is based on ideas of non-Euclidean Geometry. They are «Demons», in «Belkin's Stories» – «A Coffin Maker», «Blizzard», «Shot», «The Station Inspector», and the space of «Queen of Spades» is like this. An abyss of non-Euclidean space is in «Small Tragedies». Instead of the movement on the linear trajectory Pushkin chooses for his characters free and uncontrollable to rational consciousness the sphere of the movement, characters overstep the borders, which are impossible for others, their movement isn't reduced to local characteristics of the real household landscape, but is connected with embodiment and realization of internal opportunities and potentialities of the personality. In Pushkin's harmony both «constancy of a geometer», and «a predatory eye estimation of the simple joiner», and «the most live acceptance of impressions» are equally important. Transformation of reality is the highest symphonic style – and this is the poetic principle of Pushkin.

Keywords: Pushkin, Lobachevsky, non-Euclidean Geometry, inspiration, harmony, universalism of the creative activity, dynamic transformations of space.

«Вдохновение нужно в поэзии, как и в геометрии...» Эту фразу Пушкина мы находим в наброске, который известен в пушкинистике под условным названием «Возражение на статьи Кюхельбекера в «Мнемозине». Датировка этих фрагментарных заметок об искусстве и творчестве окончательно не установлена, предположительный диапазон работы Пушкина над ними – 1825–1827 гг.

Основная мысль заметок Пушкина – природа и особенности творческого вдохновения. Кюхельбекер находил свойства вдохновения в силе, живописности, красноречии, увлекательности. «Мы... в поэзии слог назовем тогда только хорошим, когда он будет ознаменован истинным вдохновением и по сему самому мощен, живописен, разителен; а

в красноречии, когда будет истинно увлекателен...» [5, с. 276]. Для Пушкина, кроме названных Кюхельбекером свойств, важны другие, более основательные. Пушкин солидарен со своим собеседником: да, истинное вдохновение отмечено мощью (силой изобразительности), но, главное, немислимо вне свободы творчества, оно избегает утилитарных целей и задач.

«Что такое сила в поэзии? сила в изобретении, в расположении плана, в слог ли?»

Свобода? в слог, в расположении – но какая же свобода в слог Ломоносова и какого плана требовать в торж. <ественной> оде?»

Вдохновение? есть расположение души к живейшему принятию впечатлений,

следств.<венно> к быстрому соображению понятий, что и способствует объяснению оных.

Вдохновение нужно в поэзии, как и в геометрии. Критик смешивает вдохновение с восторгом. Восторг есть напряженное состояние единого воображения. Вдохновение может [быть] без восторга, а восторг без вдохновения [не существует].

<...> Нет; решительно нет – восторг исключает спокойствие, необходимое условие прекрасного. Восторг не предполагает силы ума, располагающей частей в их отношении к целому. Восторг непродолжителен, непостоянен, следств.<енно> не в силе произвести истинное великое совершенство – (без которого нет лирич.<еской> поэзии)¹ [14].

Вслед за «живейшим принятием впечатлений», то есть, накоплением впечатлений (период, необходимый каждому художнику, в том числе и поэту, и актеру, и режиссеру, и критику), наступает второй этап – «соображения» и «объяснения» понятий, сопоставлений и осмысливания впечатлений, то, что мы называем творческой мастерской, где и происходит окончательная обработка накопленного и осмысленного художественного материала, ведя затем к непосредственному выплеску поэтического чувства.

Восторг не есть вдохновение. Пушкин не разделяет пылкой восторженности романтиков, подобных Ленскому. *Дух пылкий и всегда восторженная речь* Ленского вызывают иронию поэта, который насмехается над идеалистической отвлеченностью, поверхностным восторгом.

Мысль о том, что «вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии», Пушкин высказал в то самое время, когда профессор Николай Лобачевский (1792–1856) в Казанском университете сделал доклад о «воображаемой геометрии». Это событие произошло 24 февраля 1826 г.

Неевклидова геометрия Лобачевского (сегодня она именуется также **гиперболической геометрией**) явилась революцией в науке. Выходя из заурядных плоскостей, она вторгалась в сферические пространства тригонометрии и стереометрии, стремилась к синтезу времени и пространства, осмыслению выходящих за пределы трех измерений миров, кривизны времени-пространства, устремлялась к множественности миров, к трансцендентным, пограничным состояниям материи, вещества и сознания.

Евклидова геометрия не всегда была способна объяснить свойства действительного, реального физического пространства. Только теория отно-

сительности Эйнштейна окончательно раскрыла загадки кажущейся несовместимости физики и геометрии.

Фундаментальное отрицание Лобачевским евклидовой геометрии переворачивало все законы логики. Лобачевский осмелился подвергнуть сомнению очевидное: в его мире две параллельные линии пересекались в пространстве, был оспорен привычный мир трех измерений пространства. Его доклад «О началах геометрии», в самом названии содержащий полемику (основополагающий труд Евклида назывался «Начала»), коллеги Лобачевского подвергли разрушительной критике.

Теория фантастической «воображаемой геометрии» казалась невозможной. Автор как еретик был подвергнут остракизму и фактически приговорен к изгнанию из университета. Лобачевскому помог случай. В Казань был назначен новый губернатор Мусин-Пушкин. Открытие Лобачевского привело его в настоящий восторг, и по распоряжению нового губернатора Лобачевский был назначен ректором университета. В 1833 г. Пушкин предпринял путешествие в Оренбург, к местам, связанным с восстанием Пугачева. Путь его лежал через Казань. В Казани Пушкин был приглашен на обед, который дал в его честь местный поэт Эраст Перцов. Свои впечатления о пребывании Пушкина в Казани оставила поэтесса А. А. Фукс – жена профессора медицины К. Ф. Фука, предшественника Лобачевского на посту ректора Казанского университета. На обеде были представители казанской интеллигенции.

Ираклий Андроников рассказывает, как среди бумаг в коллекции О. И. Бурцевой им были обнаружены свидетельства частого посещения Н. И. Лобачевским в его записках о поэтических и литературных вечерах у Фуков [1, с. 99–143].

«Казань, 21 Января 1832 года... Мы были на литературном вечере у Фуков... Н. И. Лобачевский читал стихи сочинения т-те Фука и несколько раз чуть не захохотал... Баратынский все время сидел с потупленными глазами...»

Об открытиях Лобачевского Пушкину стало известно раньше, а именно в 1826 г., когда Лобачевским был сделан его сенсационный доклад.

По гипотезе академика М. Алексеева, Пушкин и Лобачевский, весьма вероятно, встречались в Казани в 1833 г. В своем труде «Пушкин и наука его времени» М. Алексеев обосновывает возможные обстоятельства не только опосредованных, но и личных научных и творческих взаимосвязей Пушкина и Лобачевского [2, с. 5–159].

Хотя о личном знакомстве Пушкина с Лобачевским во время пребывания поэта в Казани в 1833 г. не сохранилось никаких документальных свидетельств, но косвенные заметки о встречах Пушкина с казанской профессурой и литературными кругами 30-х гг. делают вполне вероятным факт его знакомства с Лобачевским и осведомленности поэта о его научных открытиях. Сохранилась переписка Ивана Великопольского с Пушкиным, с которым он виделся в Пскове и в Михайловском в 1826 г., стихотворные послания И. Е. Великопольского к Пушкину и Н. И. Лобачевскому [13, с. 86–101]

Иван Великопольский, сосед Пушкина по Псковской губернии, был не только другом, но и родственником Лобачевского в Казани, его шурином, братом его жены, Варвары Алексеевны [6, с. 257–280]. Великопольского – офицера и поэта, сочинявшего на досуге стихи, Пушкин хорошо знал, к стихотворным затеям соседа относился снисходительно, укоризненно называя его моралистом. В Чукавине – родовом имении Великопольских, расположенном неподалеку от пушкинского Михайловского, долгое время хранились портреты и Пушкина, и Лобачевского [12, с. 359].

Именно Великопольский мог пересказать Пушкину информацию о докладе, прочитанном Лобачевским тогда же, в 1826 г. в Казанском университете. В 1833 г. на обеде в честь Пушкина в Казани вместе сидели Н. И. Лобачевский, Е. А. Баратынский, А. С. Пушкин, И. Е. Великопольский.

Известно, с другой стороны, что Н. И. Лобачевский любил и хорошо знал произведения Пушкина. С. М. Великопольская свидетельствует (в письме из Казани от 17 января 1832 г.): Лобачевский «читал нам русские песни барона Дельвига, мелкие стихотворения Пушкина и стихотворения Баратынского, который здесь, в Казани...». Дочь Лобачевского, В. Н. Ахлопова, в свою очередь вспоминала, что ее отец любил декламировать стихотворения Пушкина «в семейном кругу своем» [13, с. 86–101].

Наша литературоведческая наука до сего времени берет точкой отсчета нового взгляда на решение художественного пространства по законам неевклидовой геометрии в русской литературе – Гоголя, но не Пушкина. Владимир Набоков в своей книге о Гоголе утверждает, что «проза Пушкина трехмерна; проза Гоголя по меньшей мере четырехмерна». По мнению Набокова, именно Гоголь, как и Лобачевский, «взорвал Евк-

лидов мир и открыл сто лет назад многие теории, позднее разработанные Эйнштейном».

«Искусство Гоголя, – замечает В. Набоков, – открывшееся нам в “Шинели”, показывает, что параллельные линии могут не только встретиться, но могут извиваться и перепутываться самым причудливым образом, как колеблются, изгибаясь при малейшей ряби, две колонны, отраженные в воде. Гений Гоголя – это и есть та самая рябь на воде; дважды два будет пять, если не квадратный корень из пяти, и в мире Гоголя все это происходит естественно, там ни нашей расчудочной математики, ни всех наших псевдофизических конвенций с самим собой, если говорить серьезно, не существует» [14, с. 107–108].

Почему же, в таком случае, проза Пушкина – «трехмерна»? Набоков, скорее всего, отдавал приоритет и предпочтение в фантастических изгибах мысли и пространства именно Гоголю, привычно помня о «нагой» пушкинской прозе.

Ю. М. Лотман как будто следует Набокову в оценке художественного пространства и способов его решений у Гоголя. Пространства Гоголя способны к динамическим превращениям, изменениям, трансформациям: они, по Лотману, «разрываются, морщатся, закручиваются», «изгибаются», «разлезаются» и «сжимаются», стремятся «бесцельно растечься во все стороны», «замкнуться в точечной скорлупе», «съежиться» [10, с. 266–267]. «Есть два образных решения в подходах художника к человеку, – подчеркивает Лотман, – “человек пути” и “человек степи”. “Человек пути” идет куда-то линейным образом. “Человек степи” гуляет, перемещается вольно-непредсказуемо по широкому полю» [11, с. 267–271].

Однако лирический герой Пушкина, в значительной мере, его alter ego – «гуляка праздный», Моцарт, «гуляка» в названном выше смысле. Пушкин видел свой путь и путь поэта свободным. «Дорогою свободной иди, куда зовет тебя свободный ум...» *Свободный ум, движущийся по свободной дороге...* «По прихоти своей скитаться здесь и там... У Пушкина это условие счастья: «Вот счастье! вот права...»

Пушкинистика XX в. открывает неевклидово пространство в творчестве поэта. Художественная действительность у Пушкина образует *целую систему движущихся и пересекающихся плоскостей.. Их структурное единство не усматривается непосредственно в точной схеме линейных очертаний, а непрестанно меняет формы своей связи и своего понимания», – обнаруживает пространственные*

особенности пушкинского творчества академик В. В. Виноградов, находя в повестях Пушкина сложное переплетение разных точек зрения, пересечение разных субъектных планов (*курсив мой*. – М. В.) [4, с. 74–147].

В наше время пушкинистика в трудах Ю. М. Лотмана С. Г. Бочарова, В. С. Непомнящего, Ю. Н. Чумакова, Л. И. Вольперт рассматривает связи, смены, перемещения и взаимоотношения разных отрезков времени в пушкинской лирике и прозе, особо выделяя разорванную, субъектно-прерывистую, многопланную сферу пространства.

Литература пушкинского времени исключала и отрицала принцип множественности индивидуальных сознаний. Пушкин старался освободить от этого пережитка русскую повесть. Формы течения времени у Пушкина постоянно меняются. Так, в повести «Пиковая дама» перебивки мест действия (1-я глава – игра у конногвардейца Нарумова) эпизоды 2-й главы (в уборной графини) включают события, происшедшие спустя два дня после вечера, описанием которого начинается повесть. Авторский нарратив сменяется точкой зрения Лизаветы Ивановны. Затем первые два дня после игры у Нарумова читатель уже видит происходящее через восприятие и сознание Германна. «Все мысли его слились в одну, – воспользоваться тайной, которая дорого ему стоила. Он стал думать об отставке и о путешествии. Он хотел в открытых игрецких домах Парижа вынудить клад у очарованной фортуны. Случай избавил его от хлопот».

Безумие Германна дано Пушкиным как смешение реального мира и образов трех верных карт. «Тройка, семерка, туз – не выходили из его головы и шевелились на его губах... Тройка, семерка, туз – преследовали его во сне, принимая все возможные виды: тройка цвела перед ним в образе пышного грандифлера, семерка представлялась готическими воротами, туз огромным пауком». Пространство повести – мистическое и профанное одновременно. Это пространство предреволюционного Парижа, связанное с любовными и игрецкими похождениями *la Venus moscovite*, графом Сен-Жерменом. Далее – прыжок через 60 лет, петербургский текст Петербурга как овнешненное пространство – накладывается на интерьерное пространство особняка графини. Герман то стоит на ветру перед окнами дома графини, то свободно и беспрепятственно проникает внутрь, поднимаясь по лестнице к своей цели, являя собой подмену «жениха полуночного», входит в спальню к старухе-графине,

потом спускается по винтовой лестнице – в подполье, в ад... Пространство не линейно, в нем есть провалы времени и прерывность. В переходах, входах, мистических подъемах и спусках в эксцентрическое пространство господствуют адская провокация и профанация. Над всем довлеет корыстный проект Германна, псевдоухаживания за Лизой, на которой Германн вовсе не собирается жениться.

Открытия Лобачевского утвердили Пушкина в его собственных новых художественных опытах. Пушкинская поэзия и проза (с 1830-х гг.) строится на основаниях неевклидовой геометрии. Таковы «Бесы», а в «Повестях Белкина» – «Гробовщик», «Метель», «Выстрел», таково пространство «Пиковой дамы». Бездна неевклидова пространства в «Маленьких трагедиях», и неправ Вольф Шмид, когда сдвигает пушкинскую картину, представляя ее объемной, лишь к привычным трем измерениям: «так, как можно двигаться в трехмерном пространстве, в различных направлениях...» [18, с. 73–75]

Впоследствии Достоевский, разбирая в романе «Братья Карамазовы» *евклидово и неевклидово пространство*, скажет: «Нелепости слишком нужны на земле. На нелепостях мир стоит и без них, может быть, в нем совсем ничего бы и не произошло» [5, с. 273]. В романе «Братья Карамазовы» находим *евклидовскую дичь, жалкий, узкий евклидовский ум*, а в рассуждениях Ивана Карамазова находим сомнения в том, что мир создан по евклидовой геометрии. «...Если Бог есть и если он действительно создал землю, то, как нам совершенно известно, создал он ее по евклидовой геометрии, а ум человеческий с понятием лишь о трех измерениях пространства. Между тем находились и находятся даже и теперь геометры и философы, и даже из замечательнейших, которые сомневаются в том, чтобы вся вселенная или, еще обширнее – все бытие было создано лишь по евклидовой геометрии, осмеливаются даже мечтать, что две параллельные линии, которые, по Евклиду, ни за что не могут сойтись на земле, может быть, и сошлись бы где-нибудь в бесконечности» [6, с. 214].

Пушкин был на стороне кажущихся «нелепостей». Отсюда его пристрастие к парадоксальным способам мышления. Интерес к математике, мода на математику возникли и проявились на Западе и в российском обществе на рубеже XVIII–XIX вв., а далее – в первой трети XIX в. Захватила она художников, музыкантов, поэтов. Грибоедов увлечен научными исследованиями о

дифференциальном исчислении, Гоголь в 1827 г. выписывает «Ручную математическую энциклопедию» и изучает ее² [16, с. 176]. Еще пифагорейцы доказали, что в основе гармонии Космоса как упорядоченного миропорядка, всей модели Вселенной лежит число.

Некоторые математические теоремы доказываются методом приведения к абсурду (*reductio ad absurdum*). «Поэзия должна быть глуповата». То есть, противоречива, негармонична. И Вселенная построена на иных, еще не известных науке, измерениях. И нравственность – далеко не плоская мораль, не тенденциозное поучение.

«Бывают странные сближения», – написал Пушкин в заметке о «Графе Нулине». Странные сближения для Пушкина – суть наиболее продуктивные, плодотворные. В нашем случае – о «вдохновении в геометрии» – речь идет о синтезе науки и творчества.

Сегодняшний читатель «Моцарта и Сальери» Пушкина, погружаясь в монолог Сальери, задается вопросом: зачем Сальери потребовалась алгебра для того, чтобы ею поверить гармонию? Музыка прежде почиталась скорее точной наукой, нежели гуманитарной. Мелодии требовались математические расчеты. Вот почему пушкинский Сальери, «в науке искушенный», обязан был «поверить алгеброй гармонию». Но Пушкин, как и его Моцарт, поверял вдохновение *не алгеброй*, как Сальери, а *неевклидовой геометрией*.

У истоков неевклидова понимания мироустройства и мирового пространства находится Данте Алигьери и его «Божественная Комедия», в которой мыслители и художники распознавали прозрения будущих открытий Эйнштейна и его теории относительности – в геометрии, стереометрии, астрофизике. Из работ начала XX в. укажем на труды о Павла Флоренского («Иконостас», «У водоразделов мысли» и «Мнимости в геометрии») и «Разговор о Данте» Осипа Мандельштама (связывающий «мнимости в геометрии» Флоренского с «Божественной Комедией» Данте, где философия неевклидова пространства разобрана обстоятельно и подробно) [15].

Понимание пушкинской гармонии восприняли поэты XX в.: в поэзии и в искусстве равно важны и «постоянство геометра» (Блок), и «хищный глазомер простого столяра» (Мандельштам), и «живейшее принятие впечатлений». Преображение действительности высший симфонизм – вот поэтический принцип Пушкина. Истинный поэт, считает Пушкин, предназначен «*обнимать ее <природу> одним взглядом*». В своих «Возра-

жениях...» Пушкин отстаивает особое понимание вдохновения, природы поэзии как универсальности творческого труда.

Библиографический список

1. Алексеев М. П. Пушкин и наука его времени: (Разыскания и этюды) [Текст] / М. П. Алексеев // Алексеев, М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования / АН СССР ; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972.
2. Андроников Ираклий. Рассказы литературоведа [Текст]. – М., 1962. – С. 99–143.
3. Виноградов, В. В. Стиль «Пиковой дамы» [Текст] // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.
4. Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. [Текст]. – Л.: Наука, 1988–1996. – Т. 9.
5. Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. [Текст]. – Л.: Наука, 1988–1996. – Т. 8.
6. Зиссерман, П. И. Пушкин и Великопольский [Текст] // Пушкин и его современники. – Вып. XXXVIII–XXXIX. – Л., 1930. – С. 257–280.
7. Кюхельбекер, В. К. Разбор поэмы князя Шихматова «Петр Великий» [Текст] // В. К. Кюхельбекер. Путешествие. Дневник. Статьи. – Серия «Литературные памятники». – Л.: Наука, 1979. – С. 276.
8. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста [Текст]. – М., 1970. – С. 266–267.
9. Лотман, Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя [Текст] // В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М., 1988. – С. 267–271.
10. Модзалевский, Б. Л. И. Е. Великопольский в Михайловском [Текст] // Памяти Л. Н. Майкова. – СПб., 1902.
11. Модзалевский, Б. Л. Н. И. Лобачевский. Письма его к И. Е. Великопольскому [Текст] // Изв. Физико-математического общества при имп. Казанском унив. – Вторая серия. – Т. XII. – № 2. – Казань, 1902. – С. 86–101.
12. Набоков, В. Николай Гоголь. «Шинель». Лекции по русской литературе [Текст]. – СПб.: Азбука-Классика, 2010. – С. 107–108.
13. Пушкин, А. С. Возражение на статьи Кюхельбекера в «Мнемозине» [Текст] // Полное собрание сочинений : в 16 т. – Т. 11. – С. 41–42.
14. Флоренский, П. А. Мнимости в геометрии: расширение области двухмерных образов в геометрии (опыт нового истолкования мнимостей) [Текст]. – Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
15. Шмид, В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении. «Повести Белкина» [Текст]. – СПб., 1996.
16. А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. Серия литературных мемуаров [Текст]. – М.: Художественная литература, 1980.

Bibliograficheski spisk

1. Alekseev M. P. Pushkin i nauka ego vremeni: (Razyskaniya i jetjudy) [Tekst] / M. P. Alekseev //

- Alekseev, M. P. Pushkin: Sravnitel'no-istoricheskie issledovanija / AN SSSR ; In-t rus. lit. (Pushkinskij Dom). – L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1972.
2. Andronikov Iraklij. Rassказы literaturoveda [Tekst]. – M., 1962. – S. 99–143.
3. Vinogradov, V. V. Stil' «Pikovoj damy» [Tekst] // Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii / AN SSSR. Int literatury. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1936.
4. Dostoevskij, F. M. Sobranie sochinenij : v 15 t. [Tekst]. – L.: Nauka, 1988–1996. – T. 9.
5. Dostoevskij, F. M. Sobranie sochinenij : v 15 t. [Tekst]. – L.: Nauka, 1988–1996. – T. 8.
6. Zisserman, P. I. Pushkin i Velikopol'skij [Tekst] // Pushkin i ego sovremenniki. – Vyp. XXXVIII–XXXIX. – L., 1930. – S. 257–280.
7. Kjuhel'beker, V. K. Razbor pojemy knjazja Shihmatova «Petr Velikij» [Tekst] // V. K. Kjuhel'beker. Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i. – Serija «Literaturnye pamjatniki». – L.: Nauka, 1979. – S. 276.
8. Lotman, Ju. M. Struktura hudozhestvennogo teksta [Tekst]. – M., 1970. – S. 266–267.
9. Lotman, Ju. M. Hudozhestvennoe prostranstvo v proze Gogolja [Tekst] // V shkole pojeticheskogo slova. Pushkin. Lermontov. Gogol'. – M., 1988. – S. 267–271.
10. Modzalevskij, B. L. I. E. Velikopol'skij v Mihajlovskom [Tekst] // Pamjati L. N. Majkova. – SPb., 1902.
11. Modzalevskij, B. L. N. I. Lobachevskij. Pis'ma ego k I. E. Velikopol'skomu [Tekst] // Izv. Fiziko-matematicheskogo obshhestva pri imp. Kazanskom univ. – Vtoraja serija. – T. XII. – № 2. – Kazan', 1902. – S. 86–101.
12. Nabokov, V. Nikolaj Gogol'. «Shinel'». Lekcii po russkoj literature [Tekst]. – SPb.: Azbuka-Klassika, 2010. – S. 107–108.
13. Pushkin, A. S. Vozrazhenie na stat'i Kjuhel'bekera v «Mnemozine» [Tekst] // Polnoe sobranie sochinenij : v 16 t. – T. 11. – S. 41–42.
14. Florenskij, P. A. Mnimosti v geometrii: rasshirenie oblasti dvuhmernyh obrazov v geometrii (opyt novogo istolkovanija mnimostej) [Tekst]. – Izd. 2-e. – M.: Editorial URSS, 2004.
15. Shmid, V. Proza Pushkina v pojeticheskom prochtenii. «Povesti Belkina» [Tekst]. – SPb., 1996.
16. A. S. Griboedov v vospominanijah sovremennikov. Serija literaturnyh memuarov [Tekst]. – M.: Hudozhestvennaja literatura, 1980.

¹ Слова «сила», «свобода» «вдохновение», сопровождаемые знаками вопроса, выделены Пушкиным.

² Грибоедов писал Булгарину 19 марта 1826 г.: «...ежели нельзя иметь на подержание, то купи мне le Calcul differentiel de Francœur, по-французски или по-русски» (ПССГ, т. III, с. 192; в русском переводе: «Дифференциальное исчисление, соч. Франкера с переменными и прибавлениями», издано в переводе Д. Перовошикова. М., 1824).